

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-116-123
УДК 32(045)

Презрение в Америке: Гэлбрейт и Дворкин (критика Р. Скрутона лидеров новых левых США)

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению одного из ключевых сюжетов монографии английского ученого Роджера Вернона Скрутона «Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых». Этот сюжет касается разбора и критики взглядов двух ведущих американских представителей упомянутого общественно-политического идейного направления: Джона Гэлбрейта и Рональда Дворкина. В каждом случае автор демонстрирует индивидуальный подход, индивидуальные оценки своих «подопечных», погружаясь в аргументацию названных мыслителей, разбирая попутно множество самостоятельных сюжетов. Следует отметить, что, несмотря на полемический задор и нескрываемую провокационность многих высказываний Р. Скрутона, он отдает должное незаурядным интеллектуальным способностям объектов своего «нападения», пытается работать системно и подробно обосновывать свои выпады. Все это в итоге привело к появлению достаточно оригинального текста, который, хотя и не представляет собой выдающееся произведение, но привлечет внимание специалистов и всех, интересующихся темой идеологического противостояния в современном мире.

Ключевые слова: новые левые; Роджер Скрутон; идеология; традиционное общество; правые; консерватизм; Джон Гэлбрейт; Рональд Дворкин

Для цитирования: Сперкач А.И. Презрение в Америке: Гэлбрейт и Дворкин (критика Р. Скрутона лидеров новых левых США). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):116-123. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-116-123

ORIGINAL PAPER

Contempt in America: Galbraith and Dworkin (criticism of the New Left leaders in the USA by R. Scruton)

A.I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

ABSTRACT

This article examines one of the key plots of the monograph by the English scientist Roger Vernon Scruton "Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left", edited in London by Bloomsbury Publishing. This plot concerns the analysis and criticism of the views of two leading American representatives of the mentioned socio-political ideological direction: John Kenneth Galbraith and Ronald Dworkin. In each case, the author demonstrates an individual approach, individual assessments of his "wards", plunging into the argumentation of the named thinkers, analysing along the way many independent plots. The author noted many of Scruton's statements' polemical fervour and undisguised provocativeness. However, he pays tribute to the outstanding intellectual abilities of his "attack" objects and tries to systematically and substantiate his attacks in detail. All this ultimately led to the appearance of a fairly original text, which, although not an outstanding work, will attract the attention of specialists and everyone interested in the topic of ideological confrontation in the modern world.

Keywords: The New Left; Roger Scruton; ideology; traditional society; rights; conservatism; John K. Galbraith; Ronald Dworkin

For citation: Sperkach A.I. Contempt in America: Galbraith and Dworkin (criticism of the New Left leaders in the USA by R. Scruton). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):116-123. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-116-123

Самый известный и наиболее резонансный труд сэра Роджера Вернона Скрутона, члена Британской академии, члена-корреспондента французской Академии моральных и политических наук etc., стал доступен русскоязычному читателю только после смерти автора. Речь идет о монографии «Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых».

Крайне эмоционально Р. Скрутон уже в заголовке определил свое отношение к идейным вдохновителям упомянутого движения. К счастью, в тексте доминирует все же не эмоциональный, а аналитический подход, хотя подчас автор не сдерживает задора, совмещая разбор идей своих заочных оппонентов с чрезмерной хлесткостью определений и характеристик.

Если брать монографию в целом, автор, конечно, не ограничивается рамками североамериканского континента, как и не пытается ввести заочную полемику в академические рамки. Названия многих глав говорят сами за себя: «Скукота в Германии: докатиться до Хабермаса»; «Бессмыслица в Париже: Альтюссер, Лакан и Делез» и т.п. Р. Скрутон и не скрывает провокационного характера своей работы. Однако следует подчеркнуть его дотошный разбор положений левых (и не только левых) мыслителей, широкую эрудицию и, в большинстве случаев, добросовестность критических построений.

Разумеется, в монографии не обходятся стороной вопросы: кто такие левые? кто такие правые? И в первом, и особенно во втором случае, важную роль в дефиниции играет самоназвание левых, а также определение ими своих идейных оппонентов, как правых. Определение это, по Р. Скрутону, имеет злонамеренный характер так как без дальнейших рассуждений и пояснений помещает в одну страту национал-социалистов и сторонников либеральной экономики. Впрочем, в данном случае сам автор не безгрешен. В рассуждениях о левых мыслителях он без всякой сепарации и оговорок переходит к мировоззрению советских шпионов из английской элиты. Реконструкция Р. Скрутоном мотивов прямых агентов СССР из «кембриджской пятерки» (с подразумеваемой отсылкой к идеологии и ценностям новых левых мыслителей) имеет порок: почти так же (с использованием или без использования слов «шпионы» или «элиты») можно описать многие исторические типы идейных ренегатов: «воодушевленные навязчивым желанием отречься от своей страны и ее институтов <...> они принадлежали к элите <...>, создавшей религию из отрицания ценностей, прививаемых

обществом, в котором они родились. Шпионы жаждали философии, которая оправдывала бы их разрушительную манию» [1, с. 35].

Ключевым в определении новых левых мыслителей, по Р. Скрутону, следует считать то, что они, каждый в своем роде, пытаются подорвать и уничтожить наследие традиционного общества: семью, систему образования, институты законности, правопорядка и национального государства. Все то, что передает из поколения в поколение наследие западной цивилизации.

Сам Р. Скрутон полагает желательным отход от крайне одностороннего противопоставления «левое-правое» [1, с. 408]. В данном случае он только использует штампы своих идейных противников. Возможно, это объясняет некоторую расплывчатость рассуждений автора на эту тему.

Кадровый состав новых левых был, в существенной своей части, рекрутирован из поколения 1960-х гг., страстно жаждущего «теорий, какими бы невразумительными они ни были, которые оправдали бы сопротивление существующему порядку» [1, с. 31]. Чем на практике будет являться новое общество, построенное в результате «освобождения» и достижения «социальной справедливости», новые левые не разъясняли. В этом они поразительно схожи с К. Марксом, оказавшим на большинство из них определяющее или очень заметное влияние.

Для современного читателя некоторые сюжеты, на которых акцентирует внимание Р. Скрутон, могут показаться, а иногда и действительно являются архаичными (эмоциональное разоблачение реалий стран социалистического блока, подробный разбор советского новояза, коллизии, связанные с войной во Вьетнаме и т.д.). Советский Союз почти всегда упоминается в контексте трудовых лагерей, миллионных жертв режима, т.е. строго в рамках упрощенных пропагандистских клише, архаичных уже ко времени выхода в свет первой редакции книги. В данной части работа Р. Скрутона не имеет особой ценности. Впрочем, подобные сюжеты являются подчиненными и, как правило, подробно не разбираются. Здесь автор довольствуется краткими высказываниями, призванными разоблачить всех, кто ставил на одну доску страны западной демократии и страны советского блока или симпатизировал последним.

Другое дело, что многие старые сюжеты, касающиеся подходов и теории собственно западных новых левых, неразрывно связаны с современными реалиями, актуальны, узнаваемы. Речь идет, напри-

мер, об идейном и информационном обеспечении движения BLM, теме политкорректности и т.д.

Р. Скрутон в своей монографии атакует большую группу мыслителей из самых разных сфер знания, каждый из которых является мировой знаменитостью и «священной коровой» левых интеллектуалов всего мира. Многие десятки других мыслителей, литераторов, ученых он эпизодически призывает на страницы своего труда либо в качестве своих сторонников, либо обличает, раскрывает их принадлежность к левому лагерю.

Среди главных мишеней Р. Скрутона (помимо, разумеется, Карла Маркса): Эрик Хобсбаум, Эдвард Томпсон, Джон Гэлбрейт, Рональд Дворкин, Жан-Поль Сартр, Мишель Фуко, Юрген Хабермас, Луи Альтюссер, Дьердь Лакач, Жиль Делез, Антонио Грамши, Эдвард Саид, Ален Бадью, Славой Жижек.

В каждом случае автор демонстрирует индивидуальный подход, индивидуальные оценки своих «подопечных», погружаясь в аргументацию названных мыслителей, разбирая попутно множество самостоятельных сюжетов, — от принципов правового позитивизма и теории множеств до произведений Марселя Пруста и концепции иджитхада в традиционном исламском праве.

Отдельный интерес представляет раздел о ведущих представителях новых левых в США. Подразумевается презрение, которого удостоиваются консерваторы, якобы не имеющие никаких интеллектуальных аргументов в защиту своей позиции, презрение к традиционным ценностям, установлениям и институтам США. Главными антигероями здесь являются Джон Гэлбрейт и Рональд Дворкин. Из комментариев самого Р. Скрутона очевидно, что к разряду «дураков» ни один из них не относится. Конечно, позитивные эпитеты и определения, которые изредка употребляет Р. Скрутон, оценивая интеллектуальный потенциал упомянутых мыслителей, далеко не дотягивают до панегириков, которыми он удостоивал (перед тем, как разоблачить и стереть в порошок) английских левых — Эрика Хобсбаума и Эдварда Томпсона. Но даже у Р. Дворкина, обвиняемого в осознанной интеллектуальной лживости, Р. Скрутон обнаруживает свидетельства «выдающегося и плодovitого ума» [1, с. 104]. И Д. Гэлбрейт, и Р. Дворкин, по словам автора, «были выдающимися людьми, способными мыслить обстоятельно» [1, с. 109], что не уберегло их от самой острой критики.

Представители США среди новых левых выделяются тем, что являются, по определению Р. Скрутона, либералами. Возникает даже некая

путаница, так как автор часто всех новых левых вкуче именует социалистами, а в указанной главе в качестве мыслителей новых левых фигурируют именно либералы.

Разгадка подобной коллизии заключается в том, что, по мнению автора, в США благодаря Конституции Соединенных Штатов сложилась уникальная, отличная от европейской ситуация: «частная собственность, свобода личности и верховенство права стали неотъемлемыми чертами не только политической панорамы этой страны, но и американской политической науки» [1, с. 64]. Далеко не случаен акцент, который Р. Скрутон делает на конкретный правовой документ. Для его подхода характерно отрицание вторичности правовой системы по отношению к реалиям экономики и экономических отношений. Напротив, именно те или иные правовые нормы и правовые институты, утвердившиеся в обществе (вопреки известным положениям К. Маркса и его последователей), играют самостоятельную, часто определяющую роль в развитии экономической и социальной сферы.

Поэтому, по утверждению Р. Скрутона, еще не так давно почти вся левая американская философия основывалась на классических либеральных убеждениях. Очень немногие ее представители ставили под сомнение фундаментальные институты буржуазного общества в их марксистском понимании [1, с. 64]. В Соединенных Штатах изначально «интеллектуальные противники американского трудолюбия и вертикальной мобильности лишены преимуществ “солидарности интеллигенции и пролетариата”, которая выступает такой мощной силой при формировании повестки дня европейского социализма» [1, с. 66]. Таким образом, за исключением недолгого периода Великой депрессии, марксистские воззрения никогда не получали широкого признания у американских левых.

Впрочем, в данном вопросе среди американских консерваторов имеется расхождение. Как пример, можно упомянуть совершенно иные трактовки Патрика Бьюкенена, в частности, связанные с появлением как раз в период Великой депрессии в Соединенных Штатах представителей Франкфуртской школы, влияние которой только нарастало. Тут нужно учитывать, что П. Бьюкенен толковал марксизм расширительно. В число тех, кто, по его мнению, подпал под влияние его (марксизма) современной версии, значились и многие консерваторы, — те, кто, как Р. Скрутон, делал ставку на свободную торговлю и свободные рынки, правда, в отличие от Р. Скрутона, абсолютизировал их. Идеи

феминизма, «освобождения женщин», П. Бьюкенен [2] считал чисто марксистскими, а данный пункт являлся базовым для американских либералов — в последнем он абсолютно сходится с автором «Дураков, мошенников и т.д.». Следовательно, и с этой точки зрения его подход противоречит выводам Р. Скрутона о малом влиянии марксистских идей в США.

Несколько удивляет высказывание Р. Скрутона, что политическая система США «враждебна возникновению потомственных элит» [1, с. 65]. Данная характеристика как раз была бы гораздо более уместна в отношении политической системы Советского Союза, особенно того периода, которым автор периодически пеняет левых оппонентов. Возможно, по неназванным причинам Р. Скрутон не отнес в разряд потомственных элит хорошо известные американские родовые финансовые кланы.

В современных США левые мыслители образовали «контристеблишмент», обладающий социальной властью, которая, по утверждению автора, далеко превосходит финансовую власть «капиталистического класса». Данная оценка ситуации также не очень убедительна. «Финансовая власть» отнюдь не исключает идейное доминирование новых левых, но определяет ее.

В частности, касаясь западного новояза (политкорректности), исследователи подчеркивают среди его функций обоснование внешней политики западных государств, подавление инакомыслия, политическую цензуру, обеспечение идейного и ценностного консенсуса общества [3, с. 37]. Очевидно, что здесь речь идет не о плодах деятельности альтернативных элитных групп, а о вполне целенаправленной работе элит правящих.

Так или иначе, но США, по утверждению Р. Скрутона, произвели впечатляющую плеяду язвительных экономистов: «эрудированных и остроумных комментаторов огромного производственного улья, который так щедро платит им за их презрение» [1, с. 66]. В силу изложенных выше причин изначально атаке внутренних критиков американского капитализма подверглась не сама частная собственность, но потребительские и традиционные мировоззренческие ценности среднего американца.

Д. Гэлбрейт отнесен Р. Скрутоном к тем мыслителям, которые отыскивали корни застойного левого потребительского убожества США не в удовлетворении массового спроса, а в целенаправленной политической работе, определяемой сложившейся системой властных отношений [1, с. 65].

Интересно, что Р. Скрутон отнюдь не оспаривает в данном случае оценочные высказывания левых, считая, однако, важным достижением общества возможность рядовых американцев покупать то, что им хочется, и удовлетворять этот спрос. Но он категорически отвергает мнение о навязывании массам потребительских ценностей политическими силами с политическими целями. Самое главное, Р. Скрутон полагает, что, «даже если проблемы идут от переизбытка», люди отнюдь не должны возвращаться в тот мир, «где снова будут нуждаться» [1, с. 414].

Д. Гэлбрейт, по словам автора, не был ортодоксальным левым мыслителем, но постоянно расширял поле критики за счет намеренного поиска противоречий, и его выводы имели большое значение при формировании позиции левых в 1960-х гг. [1, с. 67].

Для Р. Скрутона категорически неприемлемо уже то, что в описании «нового индустриально-го государства» Д. Гэлбрейт ставит на одну доску «капиталистические экономики» Запада и «социалистические экономики» стран советского блока. Подобное уравнивание в любом виде и по любому поводу вызывает резкую отповедь автора, в которой анализ порой уступает место ссылкам на судьбу левых «критиков капитализма», посмей они обличать социалистические порядки, будучи гражданами соответствующих стран. В ход идет упоминание «миллионов погибших», «трудовых лагерей» и подобные сюжеты. Как уже отмечалось, эта проблематика не является сильной стороной монографии, впрочем, не ей посвященной.

«Холодная война» для Д. Гэлбрейта является мифом, старательно создаваемым с обеих сторон, с целью иррационального и безудержного роста производства, для Р. Скрутона же воплощает реальное противостояние двух несовместимых систем, в котором все его симпатии на стороне «свободного мира».

Далее, по Д. Гэлбрейту, рынок перестал быть определяющим фактором производства и цен на фоне увеличившихся возможностей по контролю и формированию спроса. Обезличенное общество контролируется некой «техноструктурой», возникающей в недрах корпораций [1, с. 68].

Таким образом, «потребитель превращается из суверена в подданного. А фирмы начинают подчиняться самоподдерживающемуся процессу планирования, который распространяется по всей промышленной системе и не имеет никакой другой цели, кроме своей экспансии» [1, с. 69].

Акторами данного процесса являются не только производители продукции, но и «уравновешивающие силы» (далеко не рыночные). В этом плане, помимо «техноструктуры», особое политическое значение приобретают профсоюзы, ведущие переговоры о цене труда, и олигополии-покупатели, которые ведут переговоры о цене продукции. Социализм в прежнем понимании, по Д. Гэлбрейту, невозможен хотя бы потому, что базируется на устаревшем представлении о капитализме и не является альтернативой ему с того момента, когда капиталисты лишаются возможности осуществлять контроль [1, с. 70].

В этой части Р. Скрутон не без удовлетворения отмечает, что «если взгляды Гэлбрейта на современную капиталистическую экономику хотя бы отчасти верны, социалистическая критика больше неактуальна. А поскольку Гэлбрейт, по существу, повторяет аргументы Макса Вебера, то уже достаточно давно» [1, с. 71]. Косвенно из этого следует, что Р. Скрутон допускает, хотя бы отчасти, что некоторые выводы оппонента, касающиеся западной экономики, могут иметь отношение к действительности.

Футурологические прогнозы Д. Гэлбрейта подразумевали окончательную победу плановой экономики и рост влияния «техноструктуры», на которой держатся современные корпорации, все больше избегающие ответственности перед своими акционерами. Современные корпорации стремятся максимально увеличить не прибыль, как полагали ранее, а власть. Более того, они делают это не в конкуренции между собой, а в союзе. Ведь речь идет о власти, принадлежащей не отдельной компании, а «техноструктуре», общей для всех них [1, с. 71].

Системно излагая, как обычно, представления оппонента, высказывая по ним свои соображения, Р. Скрутон делает неожиданное заявление о том, что в данном случае не так важно, верны взгляды Д. Гэлбрейта или нет. Главная проблема в уровне доказательств, приводимых в подтверждение этих взглядов: у левого мыслителя нет «никаких статистических данных, подробного анализа современной фирмы или конкретных примеров, изучения структуры принятия решений, реального сравнения частной корпорации и государственной монополии и теории правосубъектности корпораций в современном государстве». По словам Р. Скрутона, «нам предлагают не что иное, как социальную психологию, выдержанную в веблевском ироническом ключе и заквашенную на органическом профессорском презрении к пустоте

жизни управленцев». Психологическое наблюдение, высказанное в ироничных тонах, используется для подкрепления экономической теории с масштабными и далеко идущими последствиями.

Отдельным объектом иронии Д. Гэлбрейта становится «расхожая мудрость», которая включает в себя свободную конкуренцию, сбалансированный бюджет и тому подобные базовые для западной экономики понятия. Очевидно, что сам Р. Скрутон всей душой на стороне «расхожей мудрости». Но Д. Гэлбрейт идет дальше, изображая ее в качестве основного инструмента общественного контроля, сопоставимого с официальной идеологией коммунистического государства [1, с. 73].

Таким образом, он, по словам возмущенного автора, ухитряется представить капиталистическую систему столь же угнетающей, как и ее коммунистическую альтернативу.

Не менее решительно отвергает Р. Скрутон филиппики Д. Гэлбрейта против «безумного стремления к производству», ставшего «причиной нестабильности и убожества современных капиталистических обществ, в которых общественное служение приносится в жертву товарному сверхизобилию. Но еще важнее то, что это стремление привело к опасной попытке обеспечить постоянный рост спроса» [1, с. 74].

Для борьбы с общественным убожеством, как выражается Д. Гэлбрейт, США должны больше тратить на государственные услуги, образование, пособия и централизованное планирование. Нужно облагать налогами производство, из-за которого сегодня множится зло. В качестве лекарства Д. Гэлбрейт предлагает усиленное финансирование государственных услуг за счет производства. В данном случае Р. Скрутон вполне резонно замечает, что налог на производство позволит финансировать общественные услуги только в том случае, если уровень производства будет высоким [1, с. 76].

Борьбу с потребительской экономикой автор иронически определяет, как современную версию ветхозаветного тезиса о том, что человек в его падшем состоянии подчиняется тирании желаний, которые не принадлежат ему, а внушены извне. Колдовским образом их вселили в него другие, и особенно идола и фетиши рынка. Так, доказательство нашей свободы, заключает Р. Скрутон, а именно — свободы иметь то, чего мы хотим, превращается в подтверждение нашего порабощения, коль скоро желания нам не принадлежат [1, с. 75].

По заключению Р. Скрутона, несмотря на пренебрежительное отношение к социализму, Д. Гэ-

лбрейту удастся зайти на территорию, которую социалистические мыслители издавна считали своей. Он начинает видеть весь политический организм Америки в экономическом ключе как «систему», у которой каждая конечность и мускул движутся, повинаясь требованиям бизнеса. Этот главный и крайне вредный миф марксизма захватывает его воображение и лежит в основе глубоко оппозиционных взглядов. Право, политика, культура и институты играют второстепенную роль по сравнению с грубо описанной экономической системой, чьи обезличенные повеления предположительно направляют всю общественную жизнь. Этот взгляд послужил теоретической основой для одного из важнейших принципов американских новых левых: теории о том, что капиталистическое государство является такой же системой контроля, как и коммунистическое. Оно состоит на службе у корпораций и представляет собой логический итог процесса планирования, возникающего в технократических структурах [1, с. 77].

Вредным и глубоко неверным представляется автору исходный посыл Д. Гэлбрейта, заявившего, что «притеснение живущих в достатке равнозначно созданию комфорта и благополучия для притесняемых» [1, с. 81].

Критику следующего ключевого персонажа из американского лагеря новых левых Р. Скрутон предварил риторическим вопросом: «кому действительно комфортно в современном американском истеблишменте: бизнесмену или его академическому критику? Производящему ядру системы или паразиту, который кормится его трудом?». И сам же ответил, что нет такого критика американского общества, в отношении которого данный вопрос был бы более уместным, чем Рональд Дворкин [1, с. 81].

Смена главного объекта критики повлекла изменение основной тематики обсуждения с экономической на правовую.

Отразить отношение автора к Р. Дворкину относительно просто. Многие теоретические взгляды оппонента на традиционный правовой позитивизм, касающиеся пересмотра базовых норм судебного процесса англосаксонской школы («главной нормы», «судейского усмотрения», «базовых норм», «силы притяжения» судебных решений в прецедентном праве и т.д.), сами по себе не вызывают протеста.

По мнению Р. Скрутона, Р. Дворкин представляет теорию судебного процесса, которая, вовсе не опровергая допущения консервативного правоведения,

предлагает новый способ их обоснования. Более того, в начале академической карьеры он «тяготеет к выводам, противоположным тем, которые хотел бы получить» [1, с. 81].

Автор воспроизводит систему взглядов оппонента, как обычно, добавляя свои не лишённые интереса аргументы и комментарии по весьма специфичной проблематике.

К конфронтации с представителем левого идейного лагеря приводят практические выводы из его рассуждений. Более того, именно этот практический аспект является исключительно актуальным не только для судебной практики, но и для многих ключевых моментов политики западных стран последних десятилетий, которая (с консервативных позиций) вполне укладывается в идеологические схемы новых левых.

Через толкование американской конституции и требование ввести политическую мораль в судебные решения Р. Дворкин обосновывает обязательность для американских судов придерживаться курса на позитивную дискриминацию. Такой подход ставит крест на равенстве сторон в ходе судебного процесса.

Верховный же суд США, основываясь на декларированной Р. Дворкиным необходимости занимать «активную юридическую позицию» и действуя по велению «политической морали», может свободно отклонять законы вопреки позиции законодательных органов большинства штатов, что возмущает автора. Примером такого «правильного» решения, по Р. Скрутону, явился вердикт по делу «Роу против Уэйда» 1973 г., разрешавший аборт на всей территории США. Обоснованием вердикта явилась отсылка к «праву на неприкосновенность частной жизни» в Конституции США, хотя подобное право в ней даже не упоминается [1, с. 86].

Р. Дворкин проповедует судебную активность такого рода только в тех случаях, когда ее субъекты принадлежат к либеральному политическому лагерю или в рамках социальных, расовых, гендерных и тому подобных предпочтений, которые представители этого лагеря разделяют.

В противовес таким трактовкам общего права, Р. Скрутон активно ссылается на тексты Фридриха Хайека (авторитетного исследователя, сторонника свободного рынка, которого Р. Дворкин совершенно игнорирует), упоминает лекции по юриспруденции Адама Смита, обращается к античным авторам, Эдмунду Бьерку и т.д. Принципиальна позиция автора в том, что целью общего права является не социальная инженерия, а справедливость в соб-

ственном смысле этого слова, т.е. наказание или устранение последствий неправомерных действий. Право не имеет отношения к «политической морали», к которой апеллирует и которую навязывает Р. Дворкин [1, с. 87].

Цель Р. Дворкина вполне ясна: оправдать и продвинуть актуальную либеральную повестку [1, с. 92]. Насколько соответствовали истине его конструкции, как убежден Р. Скрутон, этого мыслителя абсолютно не интересовало. Повестка эта определялась главным образом движением за гражданские права, сексуальное освобождение и выступлениями против войны во Вьетнаме. Она подразумевала гражданское неповиновение и обратную дискриминацию. По мере того как прежние пункты претворялись в жизнь, Р. Дворкин расширял ее, добавляя новые пункты, вплоть до защиты права на порнографию [1, с. 93].

Автор разбирает идею Р. Дворкина о том, что право на свободу слова существует, чтобы защитить достоинство несогласных. Таким образом, получается, что прочие члены общества этим правом не располагают. Должна учитываться и «степень негодования» обвиняемых в нарушении закона [1, с. 94]. Следовательно, одно и то же деяние будет наказываться в зависимости от того, сильно ли негодовал при его совершении обвиняемый или не очень. По словам Р. Дворкина, «жесткая позиция правительства в отношении гражданского неповиновения или кампания по подавлению выступлений протеста могут считаться свидетельством неискренности заявлений о признании прав». Другими словами, иронизирует Р. Скрутон, по-настоящему искреннее правительство, приняв закон, будет снисходительно к тем, кто ему не подчиняется.

В данном случае он, по всей видимости, не учел того, что подобный подход отнюдь не является изобретением левых. Он хорошо известен со времен отцов — основателей США и имеет в высшей степени авторитетного защитника. Томас Джефферсон полагал, что «...небольшой бунт время от времени — хорошее дело <...> Неудачные восстания действительно обычно выявляют те нарушения прав народа, которые их породили. Учет этой истины сделает честных республиканских правителей настолько мягкими при наказании мятежников, чтобы не очень сильно обескураживать их» [4, с. 77]. Третий президент США, скорее всего, даже приблизительно не мог предвидеть цель и содержание нового левого протеста, тем не менее, общая установка не снисходительность

и даже некоторое поощрение «мятежников» им декларировалась.

Главным пунктом возмущения для Р. Скрутона является двойной стандарт оппонента. Гражданское неповиновение консерватора в отношении сегрегации автоматически перестает быть извинительным, в отличие от правонарушений, совершаемых в либеральных целях [4, с. 77].

Приводится автором и провокационное заявление Р. Дворкина по этнополитической тематике: «за очень редким исключением, белые студенты предпочитают компанию других белых из-за своих расистских, социальных и политических убеждений или из-за того, что они презируют чернокожих как таковых». Именно такой подход, который Р. Скрутон считает расистским, служит исходной посылкой в рассуждениях об обратной дискриминации, которую Р. Дворкин защищал «с особой изворотливостью» [1, с. 97].

Аргументы подобного рода, писал Р. Скрутон, переносят концепцию права с человека на группу. Индивиды начинают рассматриваться не просто как отдельные личности, когда речь заходит об оценке их прав, но и как члены определенных групп. Некоторые из них обременены неустрашимыми преимуществами, особенно белые мужчины. Все это обуславливает систему преимуществ и привилегий, которые распределяются в соответствии с членством в определенной группе, а не сообразно гражданству или принадлежности к человеческому роду [1, с. 98].

Автор находит у Р. Дворкина чудовищный диссонанс между защитой в некоторых работах англо-саксонской правовой традиции и агрессивной пропагандой политических программ, наподобие обратной дискриминации, которые эту традицию подрывают [1, с. 105]. «Позиция, представленная у Р. Дворкина, антиреволюционна по своим методам, но революционна по своим задачам. Американские либералы... убеждены в том, что доминирование — это зло. Но... они признают, что для реализации их цели в конечном счете необходимы институты, а идеология не может заменить кропотливую работу закона. В целом же новые левые не разделяют такого похвального уважения к институтам» [1, с. 410].

Д. Гэлбрейт и Р. Дворкин, по словам Р. Скрутона, стали светочами левой радикальной мысли, потому что «тот и другой поливали грязью идеи, унаследованные американским обществом, чтобы открыть путь к неповиновению. А, между тем, оба пользовались нескончаемыми благами, доступны-

ми всем тем, кто подрывал устоявшуюся культуру семьи, предпринимательства, Бога и флага. Но посмотрите внимательно на их аргументы. Вы обнаружите упрощения, пустые риторические фразы и презрение к противоположным взглядам. При всем своем уме они оставили реальные интеллектуальные проблемы ровно там, где их нашли» [1, с. 109].

Сегодня, по убеждению Р. Скрутона, левые радикальные идеи абсолютно доминируют на Западе. Более того, на осмелившихся публично не разделять их неминуемо обрушивается возмездие: «однажды определив себя в качестве правого, вы оказываетесь за пределами любых дискуссий. Ваши взгляды неуместны, вы дискредитированы, ваше присутствие в мире — ошибка. Вы больше не оппонент, с которым можно спорить, а сумасшедший, которого нужно избегать. Это я ощутил на собственном опыте, как и все инакомыслящие, которые мне известны» [1, с. 404]. При этом левые, по утверждению Р. Скрутона, абсолютно показывают свою альтернативу традиционным ценностям, которые так самозабвенно уничтожают: «Оглядываясь на блеклый ландшафт,

который я имел возможность обозревать в этой книге, я вижу только отрицание. Отпускаются случайные замечания по поводу грядущей “эмансипации”, “равенства” и “социальной справедливости”. Но понятия эти редко выводятся из области абстракций или подвергаются серьезному анализу. Как правило, они не служат для описания воображаемого социального порядка, который готовы защищать те, кто их использует. Напротив, эти категории применяются только для отрицания <...> Когда в текстах Адорно я нахожу, что альтернативой капиталистической системе является утопия, то могу только похвалить автора за честность, поскольку это просто другой способ сказать, что никакой альтернативы не имеется. Конечно же, вы можете переименовать утопию в “идеальную речевую ситуацию”, группу в синтезе (*groupe en fusion*), генерическую процедуру (*procédure générique*) или даже фасцию, но за этими определениями ничего не стоит. Они обещают общество, где отсутствует все, что делает его возможным: закон, собственность, обычаи, иерархия, семья, переговорный процесс, правительство и институты» [1, с. 404].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики; 2021. 440 с.
Scruton R. Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left. Moscow: Higher School of Economics; 2021. 440 p. (In Russ.).
2. Бьюкенен П. Смерть Запада. М., СПб.: АСТ; 2003. 444 с.
Buchanan P. Death of the West. Moscow, St. Petersburg: AST; 2003. 444 p. (In Russ.).
3. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики; 2010. 304 с.
Ionin L. G. Update of conservatism. Moscow: Higher School of Economics; 2010. 304 p. (In Russ.).
4. Гольдберг Н.М., ред. Американские просветители: Избранные произведения. Т. 2. М.: Мысль; 1969. 445 с.
Goldberg N.M., ed. American Enlighteners: Selected Works. Vol. 2. Moscow: Thought; 1969. 445 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
sperkperk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Sperskach — Cand. Sci. of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Politology, Financial University, Moscow, Russia
sperkperk@yandex.ru

Статья поступила 27.10.2021; принята к публикации 20.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.10.2021; accepted for publication on 20.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.